

НАДЕЖДА ДУРОВА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УЕЗДНОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

NADEZHDA DUROVA IN SOCIO-CULTURAL SPHERE OF A PROVINCIAL TOWN

O. Ajkasheva

Summary. The article considers the reasons for the long stay of Nadezhda Andreevna Durova in the socio-cultural sphere of provincial Elabuga at the beginning of the XIX th century. The author pays special attention to the influence of the micro and macro environment on the dynamics of the inner world of a woman — a retired officer. As a result of the analysis, the author concludes that Durova consciously chose the county town of Elabuga for permanent residence, finding here a comfortable niche that does not contradict her noble mentality and the unusual status of a woman warrior

Keywords: Durova, county town, Governor of a town, retired officer, Elabuga, diary notes, woman writer..

Айкашева Ольга Александровна

Аспирант, Елабужский институт Казанского
федерального университета
Barkusela@mail.ru

Аннотация. В статье ставится задача рассмотреть влияние социокультурного пространства провинциального города Елабуги на формирование личности Надежды Андреевны Дуровой. Целью работы является реконструкция личной жизни Надежды Дуровой в отдельно взятом отрезке времени провинциальной Елабуги с 1831 г. по 1836 г., факторы, повлиявшие на дальнейший выбор этого города как места постоянного проживания. Особое внимание автор уделяет влиянию микро- и макросреды на трансформацию отношения кавалерист-девицы к провинциальному обществу. В результате исследования автор делает вывод, что Дурова осознанно выбрала уездный город Елабугу для постоянного проживания, найдя здесь комфортную нишу, не противоречащую ее дворянской ментальности и необычному статусу женщины-воина.

Ключевые слова: Надежда Дурова, уездный город, городничий, отставной офицер, Елабуга, дневниковые записи, писательница.

Социокультурная среда — это некий пространственный континуум, в котором содержится культурный код, влияющий на развитие и саморазвитие личности. В результате влияния референтных социальных групп происходит трансформация внутреннего мира исторического индивида, меняется его психология и поведение. Уникальность конкретной человеческой судьбы фокусируется в специфике разноразмерной вариативности социального пространства, в пределах тех возможностей, которыми располагает индивид в рамках данного культурно-исторического контекста. В данной работе реконструкция личной жизни Надежды Андреевны Дуровой в отдельно взятом отрезке времени провинциальной Елабуги с 1831 по 1836 год рассматривается одновременно как главная цель исследования и как одна из необходимых составляющих исторического социума, повлиявшего на динамику внутреннего мира Надежды Дуровой и на трансформацию отношения к провинциальному обществу. По интенсивности влияния на мировоззрение Дуровой можно выделить ближнюю среду (микросреду), это семья брата Василия, в которой Дурова жила пять лет, и дальнюю (макросреду) — разноразмерное социальное пространство Елабуги. Источниковым корпусом для исторического исследования и написания статьи послужили произведения Н.А. Дуровой: «Год жизни в Петербурге или Невыгоды третьего посещения», «Автобиография», где запечатлен индивидуальный опыт пребывания автора в Елабуге, его эмоциональные переживания и уровень осмысления. Письма А.С. Пушкина

и архивные документы, касающиеся Елабуги первой половины XIX века, послужили косвенными свидетельствами траектории развития личности Н.А. Дуровой.

Елабуга — небольшой старинный город на правом берегу реки Кама, один из древнейших городов Татарстана. Надежда Андреевна Дурова, прожила здесь 30 лет: с 1831 г. по 1836 г. и с 1841 г. до смерти в 1866 г. Ни в одном другом месте знаменитая женщина-офицер не провела такой длительный отрезок времени своей жизни, предпочитая временно гостить, переезжать, путешествовать, считая провинциальное общество «нестерпимо скучным» [5, с. 6].

В 1830 году бывший городничий Сарапула Василий Андреевич Дуров получил назначение в Елабугу на ту же должность городничего [18]. Надежда Дурова пишет, что брат был переведен в Елабугу, «куда переехал и я с ним и его семейством» [5, с.7]. Под «семьей» понимались все лица, признанные по крови и в результате женитьбы или замужества, за исключением рожденных незаконно или женившихся против воли семьи, так же под семьей могли понимать всех тех, кто жил под одной крышей, даже прислугу. В дворянских семьях господствовала патриархальность и иерархия. Василий Андреевич Дуров вступил в должность городничего холостым 32-летним мужчиной. «Семейством» брата Надежда Андреевна называет незамужнюю сестру Клеопатру, глухонемую сестру от второго брака отца Андрея Васильевича Дурова

двадцатидвухлетнюю Елизавету и вторую жену отца со- рокапятилетнюю мачеху Евгению Степанову. Дворовые люди, а их у Дурова было человек 6–8, тоже прибыли в Елабугу. Пренебрежительное выражение Дуровой «его семейство» обозначает ее обособленный статус, качественно отличавшийся от других членов семьи. После смерти отца Надежда Андреевна была старшей в семье, носила мужское имя, получала военную пенсию и была независима от традиционных условностей семейных взаимоотношений. Свою мачеху Евгению, младшую по возрасту и бывшую крепостную, сестру Елизавету, рожденную до брака отца с Евгенией, она не включает в круг кровных родственников. С ранних лет особо теплые отношения у Надежды Андреевны сложились с младшей сестрой Клеопатрой, у них была разница в возрасте три года. В детстве Надежда проявляла заботу о Клеопатре, защищая ее от притеснений горничных женщин [Error: Reference source not found, с. 278]. Близость сестер объясняется разделением в дворянских семьях мужской и женской иерархии и особенностями воспитания девочек, чей круг общения составляли сестры, кузины, тетушки. Доверительные отношения между сестрами сохранились до конца дней: Клеопатра отдала свои деньги Надежде Андреевне на путешествие в Петербург, сама осталась в Елабуге дожидаться ее возвращения, в то время как брат Василий в 1839 году вернулся в Сарапул. Основным принципом, определявшим взаимоотношения в семье, являлась культура поведения, включавшая в себя признание авторитета. Василий Андреевич занимал вершину семейной иерархии, благодаря сформированной в детстве системе социальной ориентации, Дурова признавала авторитет Василия, считаясь с его статусом в семье и в обществе. В 1832 году Василий Дуров женился на Коротковой Александре Михайловне — дочери сарапульского командира городской инвалидной команды Михаила Короткова. Александра Михайловна была невестой состоятельной, владела землями в Уфимской губернии [10], домами в Елабуге и Сарапуле [4, с. 5]. В 1833 году родился первенец, названный в честь деда Андреем. В 1836 году у Василия родилась дочь Вера, а в 1839 году сын Николай. Крестили детей в Николаевской церкви Елабуги, воспитателями у Веры и Николая были уездный судья Надворный советник Епифан Тимофеевич Никольский и родная сестра Дурова девица Клеопатра Андреевна [17]. Структурное и поколенное изменение семьи повлияло на ее хозяйственный уклад и на эволюцию внутрисемейных отношений: роль хозяйки дома стала выполнять Александра Михайловна, поменялись социальные функции женщин. Трансформировался социально-психологический климат в семье — к 1835 году Надежда Дурова считала себя ее частью, называла «своею», в которой обсуждались вопросы ее путешествия в Петербург и денежных затрат на это предприятие. Тихая, размеренная жизнь в Елабуге, обособленное положение в семье, не обремененное социальными функциями, способствовали заня-

тию литературой, Дурова пишет, что «от нечего делать» [5, с. 8] вздумалось ей пересмотреть лоскутки записок, уцелевших от бурных переверотов жизни. Эти дневниковые записи легли в основу книги «Кавалерист-девица. Происшествие в России». Изначально Дурова не собиралась становиться профессиональной писательницей, писала для чтения в кругу семьи, но знакомство Василия Андреевича Дурова с Пушкиным, его рассказы о литературных гонорах побудили брата настойчиво предлагать сестре выйти со своими записками в публику, тем более что семейство городничего увеличилось, а жалованье осталось прежним. Дурова пишет, что «в семье моей много было планов и толкований о том, как это покажется публике, как примут и что скажут?» [Error: Reference source not found, с. 485]. Василий был в восторге от мысли, какое действие произведет на публику раскрытие тайны такого необычного происшествия, ободрял и поддерживал сестру, написал Пушкину, что она увлекается литературой. Завязалась переписка с поэтом. Семья Василия сыграла незаменимую положительную роль в развитии личности Дуровой, произошла самоидентификация Надежды Андреевны как писательницы, она получила соответствующие положительные подкрепления своих достоинств. Самым мощным стимулом к реализации ее литературного таланта послужило письмо А. С. Пушкина, исполненное вежливости и похвал [Error: Reference source not found, с. 486]. Надежда Андреевна решила уехать в столицу, чтобы литературным трудом заработать деньги и вернуться снова в тихий провинциальный город, где ее дожидалась сестра Клеопатра. Еще одной веской причиной поездки в Петербург была женитьба в 1835 году единственного сына Надежды Андреевны — Ивана Васильевича Черно- ва [1, с. 27].

В начале XIX века провинциальные города олицетворяли традиционный полусельскохозяйственный облик России и патриархальность нравов. Елабуга мало отличалась от провинциальных городов Российской империи, имела черты сельского поселения. Город растянулся с востока на запад, был окружен слободками, имел 11 улиц, некоторые с тротуарами. Дома в своем большинстве были деревянными. В 1839 году насчитывалось 645 домов, 46 каменных, из них 17 принадлежали купцам, 5 дворянам и чиновникам [13, с. 1]. Жителей в 30-е годы насчитывалось более четырех тысяч, среди них большинство мещане и казенные крестьяне, купцов около четырехсот человек, духовенство, дворяне, чиновники и служащие, разночинцы, дворовые люди, живущие при домах своих господ с паспортами [13, с. 23]. Характерной чертой города было ярко выраженное торговое дело. Практически все жители города были неусыпные, расчетливые и расторопные торговцы. За год они делали три или четыре оборота, покупали, обменивали или продавали товары в Казани и Оренбургской губернии [14, с. 43]. Внешняя торговля в этот период велась преимуществен-

но хлебом и чаем. Скупали его в Елабуге, в Оренбургской губернии, за чаем ездили в Кяхту. В зимнее время хлеб из Оренбурга доставляли гужом на челнинскую пристань на берегу Камы выше Елабуги и напротив Елабуги на левом берегу Тоймы. Продавали хлеб и товары, привозимые с Нижегородской ярмарки в Рыбинске, Мензелинске, Бугульме, Бугуруслане. Многие купцы отправлялись торговать в Пермскую, Казанскую, Тобольскую губернию.

В среде торгового люда сложилась своеобразная иерархия, низшую ступень занимали мелкие торговцы (коробейники, мелкие лавочники, торговавшие на базарах и в арендованных лавках), среднюю ступень — коммерсанты средней руки, купцы второй гильдии, державшие стационарные лавки. На вершине этой градации находились крупные торговцы, промышленники, владельцы свечных, колоколотейных, снастных, кожевенных, мыловаренных заводов, кирпичных сараев: Чернов, Баутин, Шатов, Шишкин, Куракин, Шабалин, Серебряков. В социальном пространстве города и в конкретном историческом времени купцы имели свой стиль жизни и мышления, отличались специфической системой ценностей: труд как основа благосостояния, прагматизм, религиозность, стремление к богатству. На пути к обогащению многие из мелких торговцев не гнушались жульничать или прибегать к прямому обману, пользуясь неопытностью и незнанием покупателей (так Надежда Дурова на одной из ярмарок купила лисий мех за 10 рублей, но брат Василий, рассмотрев мех, объяснил, что шкурка сшита из обрезков и хвостов и цена ей 2 рубля[Error: Reference source not found, с. 420]), так же крестьяне крупных помещиков обманывали горожан на тысячи рублей. Бывали случаи крупного мошенничества с фальшивыми векселями и подставными кредиторами[7, с. 14], взяточничества, доносы тоже имели место в городском управлении. Некоторые лица из купечества вели торговлю несоответственно объявленным ими капиталам в ущерб государственным интересам[Error: Reference source not found, с. 101].

Практический склад ума подталкивал купцов к практическим формам управления, они входили в систему хозяйственного управления городом, становились депутатами городской управы, городскими головами, управляли финансами, контролировали оборот городского бюджета, грамотно распределяли деньги в перспективные отрасли городского хозяйства.

Важное место в системе ценностей купцов занимали религиозность и благотворительность. Купцы хлопотали о постройке церквей не только в городе, но и в уезде. В 1830 году в Елабуге была отстроена кладбищенская Троицкая церковь благодаря хлопотам И.В. Шишкина и И.С. Лекарева, которые предоставили архиерею план двухэтажной церкви, нашли архитектора, сделали под-

писку на строительство. Большую сумму на это предприятие выделил Ф.Г. Чернов[7, с. 21].

Ярким примером личного стремления горожан совершенствовать среду обитания является частная инициатива купца И.В. Шишкина провести в город водопровод. Воду елабужане брали в колодцах, которых было 45, вода в них была жесткая, на всех жителей ее не хватало, особенно по весне. В 1832 году городской голова Иван Васильевич Шишкин на торговой площади, на свои средства устроил фонтан, вода собиралась в чан, из него горожане стали брать воду. Этому невероятному явлению елабужане удивлялись, целыми днями толпились возле чана, жители окрестных деревень специально приезжали посмотреть на чудо-фонтан. В 1835 году общество дворян и чиновников знак своей признательности и благодарности составило И.В. Шишкину благодарственное свидетельство [7, с. 30]. Елабужане пользовались водой равнодушно, принимая за должное такую заботу властей о горожанах.

Можно отметить в Елабуге высокую степень участия неравнодушных жителей в формировании культурного и просвещенного облика города. Образование у предпринимателей не считалось необходимым для ведения торгового дела, детей с малолетства вывозили на ярмарки и базары, приучая к торговому ремеслу, отдавали пономарям на обучение грамоте. Но для работы в магазинах и лавках, на предприятиях требовался грамотный персонал. С целью подготовки таких специалистов купцы выделяли деньги на содержание учебных заведений. С 1809 года благодаря жителю Елабуги протоиерею Спасского собора хорошо образованному и любившему просвещение Павлу Юрьеву, функционировало уездное училище. Располагалось оно в его собственном каменном одноэтажном доме, при котором находился флигель, преподавателей было 5, один чиновник. В 40-е годы XIX века в училище число обучающихся детей купцов, мещан и крестьян превышало число чиновников и дворян. В 1821 году при училище был открыт приготовительный класс, содержавшийся на частные пожертвования. Учащихся обучали чтению, письму, арифметике и закону Божьему. В 1830 году в Елабуге открылось приходское училище в общественном доме[Error: Reference source not found, с. 115]. Купцы учреждали именные стипендии лучшим учащимся, самым одаренным оплачивали обучение.

Культурно-массовая жизнь в уездной Елабуге не отличалась разнообразием, широко отмечались важные государственные события и религиозные праздники. Их организация вполне отвечала традициям, заложенным в XVIII в. Так, например, празднование вступления в 1814 г. в Париж российских войск сопровождалось литургией в городском соборе, пальбой из пушек, данным в доме городничего обедом и концертом с пением рели-

гиозно-патриотических песен, сборе пожертвований для инвалидов военных действий. Для простого народа «во время празднества от духовенства выставлены были два чана с пивом и один с вином. При том бросали в народную толпу нарочито медные от протопопа деньги» [19].

Социальную среду формирования купечества в подавляющем большинстве составляли мещане и крестьяне. Основная масса населения была социализирована и сформирована в рамках крестьянской культуры, норм общинной жизни, для которых характерен жесткий контроль над личностью, поэтому появление в городе такой необычной фигуры, как Надежда Андреевна Дурова, не прошло мимо внимания городских жителей. Личность Дуровой была сформирована дворянской культурой с ее идеалами и представлениями о чести и достоинстве, уникальным индивидуальным опытом, взглядами и убеждениями военного человека. Поведение Дуровой, отклоняющееся от традиционных норм провинциальной Елабуги, попало в центр внимания городских жителей. Надежде Андреевне было 48 лет — возраст, для начала XIX века, преклонный, ее ровесницы давно считались бабушками. Но Дурова сохранила юношескую стройность и кавалерийскую выправку, очень комфортно чувствовала себя в казимиловых, обтягивающих ноги панталонах на штрипках, коротком шелковом жилете и темно-коричневом фраке, в петлице виден был Георгиевский крест. Называла себя, как велел император Александр I, Александром Александровым. Военная выправка, мужская одежда, Георгиевский крест вошли в структуру имплицитной теории личности — елабужане на основе внешних атрибутов предполагали в ней некий статус и власть, выбирали манеру поведения с отставным офицером и обращались к ней почтительно «Ваше высокоблагородие господин Штабс-ротмистр», либо «Милостивый государь Александр Андреевич». Круг общения Надежды Андреевны в Елабуге 30-х годов сложился согласно представлениям дворян о хорошем обществе, важной характеристикой которого являлось его образованность, воспитание, знакомство с достижениями литературы, науки, искусства, включенность в контекст национальной и мировой культуры. Богатые купцы, дворяне и чиновники копировали столичный образ жизни, устраивали званые вечера, балы, куда приглашали и Надежду Дурову, сами были гостями в доме городничего, где решали вопросы, касающиеся жизни города. Дурова была вхожа в лучшие дома Елабуги, испытывала на себе доброе расположение и вежливое внимание, ее уважали за военную жизнь, обращались по чину. Особенное отношение Надежды Андреевны вызвал Иван Васильевич Шишкин. Дурова ценила в нем все, что было нетипичным для провинциального жителя: острый пылкий ум, здравомыслие, порядочность, честность, скромность, безупречное воспитание. В библиотеке Шишкиных находились редкие книги, например: «Наука

быть счастливым», «Описание великих людей» Плутарха, литературные газеты, журналы, выписываемые, в том числе, и из столицы. Семья Шишкиных читала Пушкина, Гоголя, Аксакова. Впоследствии сам Иван Васильевич написал несколько книг: «Практическое руководство к построению и улучшению мельниц», «История Елабуги» и свое жизнеописание. Надежда Дурова уважала Шишкина за его глубокие знания, миролюбивый характер и прогрессивные взгляды. Во второй приезд в Елабугу она была частым гостем в доме Шишкиных и всегда находила там понимание. Далеко не все елабужане так располагали к себе Надежду Андреевну, она, согласно своей дворянской ментальности, с большой долей иронии описывает попытку занять денег у богатого елабужского купца для поездки в Петербург. В повести «Год жизни в Петербурге, или невыгоды третьего посещения» Дурова называет его Н***Ив***К...в. Это представитель купеческого рода Красильниковых, которые еще в XVIII веке владели Саралинским медеплавильным заводом в Елабужском уезде. Январским днем Дурова отправилась «к первому из уездных богачей, человеку образованному, очень умному и до чрезвычайности вежливому» [Error: Reference source not found, с. 487]. Денег богатый купец не дал, признавшись честно, что думает, что Александр Александров не вернет такую сумму, это несмотря на то, что Дурова дала ему прочесть письмо Пушкина, исполненное вежливости и похвал ее литературному таланту. В этом неблагоприятном поступке сказала не скупость купца, который рисковал большими суммами в непростом торговом деле, а неверие в успех такого непонятного для уездного города предприятия — заработать деньги литературным трудом. Деньги пообещал дать один из давних знакомых отца Надежды Андреевны, по словам Дуровой «человек добрый, хлебосольный и довольно зажиточный» [Error: Reference source not found, с. 488], но слова своего не сдержал. Надежда Андреевна нисколько не удивлялась таким ситуациям, прощая людям более низкого происхождения их слабости,

Итак, первый приезд Надежды Андреевны Дуровой в Елабугу был обусловлен не ее личным выбором, а обстоятельствами, сложившимися на службе брата Василия. Микросреда имела большее влияние на самоидентификацию Н.А. Дуровой как человека деятельного, способного послужить обществу своим талантом. Социокультурное пространство Елабуги повлияло на трансформацию отношения к провинциальному обществу, в котором Надежда Андреевна нашла комфортную нишу, не противоречащую ее дворянской ментальности и необычному статусу женщины-воина. Реалии жизнедеятельности елабужан открыли для Дуровой незаурядные, духовно содержательные фигуры в лице Павла Юрьева, Ивана Васильевича Шишкина, что в дальнейшем повлияло на ее осознанный выбор постоянного места жительства в провинциальной Елабуге.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айкашева О. А. Судьба Ивана Чернова — сына Н. А. Дуровой // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Серия «История и политология». Москва, 2014. С. 21–29.
2. Блинов Н. Н. Кавалерист-девица и Дуровы. Из Сарапульской хроники. // Исторический вестник. Т. 31. С.-Петербург, 1888 г. С. 414–420.
3. Вятские губернские ведомости, № 31. 1838 г.
4. Вятские губернские ведомости, № 32, 1853 г.
5. Дурова Н. А. Автобиография. Переписка. Елабуга, 1996 г. С. 24.
6. Дурова Н. А. Избранные сочинения кавалерист-девицы. М.: Московский рабочий, 1988. С. 575.
7. Жизнь елабужского купца Ивана Васильевича Шишкина. Елабуга. 2007 г. С. 64.
8. Курылева Н. И. Трехсотлетнее древо купцов Шишкиных Елабуга. 2007 г. С. 112.
9. Лашманов Ф. Ф. // Русская старина. Т. 67. С.-Петербург, 1890 г. С. 657–666.
10. Национальный архив Республики Башкортостан, ф. и-1, оп. 1, д. 1863. л. 220
11. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1912 г. — Вятка, 1911 г. — С. 25.
12. Письмо А. С. Пушкина А. В. Дурову // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1949–1959 г. Т. 17, 1959 г.
13. Прибавление к № 12 Вятских губернских ведомостей. № 6. 1839 г. С. 1.
14. Прибавление к № 21 Вятских губернских новостей. № 11. 1839 г.
15. Прибавление к № 18 Вятских губернских ведомостей. № 9. 1839 г.
16. Прибавление к № 22 Вятских губернских ведомостей. 1839 г.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1343, оп. 20, д. 3856, микрофильм.
18. РГИА, ф. 1286, оп. 4г1829, д. 561, с. 32–33.
19. Уткин А. А. Городская культура досуга в Елабуге второй половины XIX — начала XX веков // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института, № 1(5), 2013 г. С. 142–147.
20. Центральный государственный исторический архив СПб. (ЦГИА СПб) ф. 19, оп. 111, д. 273, л. 99-об.-100. Актовая запись № 7.
21. Шишкин И. И. История города Елабуги с древнейших времен. Елабуга, 2007. С. 208.

© Айкашева Ольга Александровна (Barkusela@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Елабужский институт Казанского Федерального Университета